

«Три капитана»

Валиев Мурат Тимурович - инженер–системотехник, генеалог, краевед, общественный заместитель директора музея истории школы К. Мая, автор более 20 публикаций по истории немецкой диаспоры России, истории ВМФ, авиации, народного образования.

Фото 1. Николай Васильевич Высоцкий. Семейный архив.

В 2007 г., в самом начале нашей работы по собиранию фамильной истории, мы пришли в Музей истории инженеров флота в надежде найти материалы о наших предках. Гостеприимный директор музея, доктор исторических наук, капитан I ранга Исай Моисеевич Кузинец переспросил мою фамилию, вооружился солидным томом¹ и быстро нашёл фамилию моего отца, окончившего с отличием Высшее Военно–морское инженерное училище (ВВМИУ) им. Дзержинского в 1947 г. Узнав, что здесь учились и мой дед, и мой прадед, Исай Моисеевич, вновь углубился в поиски, но не обнаружил нужные фамилии в довоенные и в дореволюционные годы и, наконец, дал мне возможность пояснить: «Имя моего отца - Тимур Арсланович Валиев, деда – Борис

Елиазарович Годзевич, а прадеда – Николай Васильевич Высоцкий... Бывают и такие «морские династии»». И пришлось мне начать длинный рассказ о перипетиях нашей запутанной фамильной истории...

Мой прадед, Николай Васильевич Высоцкий², родился 28 декабря 1881 года³. Его отец, Василий Флегонтов Высоцкий (1855 – после 1887)⁴, участник Русско–Турецкой войны 1877 – 78 гг., за отличие в делах против неприятеля был произведен в Подпоручики, награждён светло бронзовой медалью в память войны против Турок и представлен к ордену... В 1881

¹ И.М. Кузинец. Адмиралтейская Академия. М., ГУП Изд. Дом «Руда и металлы» 1998.

² Валиев М.Т. Инженер-механик Н.В.Высоцкий: жизнь эпохе вопреки // Кортик. – 2013. – №14. – С.27–40.

³ Все даты до 1918 года даны по старому стилю

⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 14724. Л. 4–5. Послужной список Высоцкого В.Ф.

году сочетался «первым браком на девице из дворян Пелагее Александровой Орловой» (1855 – после 1924). Через четыре года после рождения Николая в семье Высоцких появилась дочь Пелагея (1885 – ?).

В 1882 подпоручик Высоцкий покинул военную службу, не приобретя больших чинов и званий. Не имея надёжных источников к существованию, он не нашёл себя в мирной жизни и пропал с семейного горизонта в 1887 году. Пелагея Александровна осталась с двумя детьми пяти- и двухлетнего возраста и за неимением лучшего решения переехала в Курскую губернию к своей незамужней сестре, служащей акушеркой в больнице Московско–Киевско–Воронежской железной дороги. Несмотря на тяжёлое положение семьи, дети получили хорошее образование. В 1899 году Николай Васильевич после окончания шести классов основного отделения Курского Реального училища поступил на Механическое отделение Морского инженерного училища Императора Николая I⁵. В 1903 году окончил училище и был зачислен в звание Младшего Инженер – Механика.

Вся его дальнейшая служба являет собой пример трагического противостояния русского офицера и русского бунта.

В 1903 г. Высоцкий был назначен на вакансию Минного Механика на флагман Черноморского флота эскадренный броненосец «Ростислав»⁶.

Портрет прадеда у башни главного калибра броненосца «Ростислав» украшает стены нашего дома. На фотографии запечатлен молодой офицер в парадной форме – слуга Царя и Отечества, утешение самоотверженной матери и возможный повод девичьих грёз. Однако бурные события российской истории не располагали к романтическим настроениям. В ноябре 1905 года броненосец «Ростислав» участвует в подавлении восстания под руководством лейтенанта Шмидта. Причём сам броненосец вполне мог оказаться и по другую сторону баррикады – корабельную команду обрабатывали с особой тщательностью. Многие матросы «Ростислава» криками «Ура!» отвечали на призывы П.П. Шмидта. Силами офицеров и верных присяге матросов восстание на «Ростиславе» удалось предотвратить. Именно орудия флагмана нанесли наиболее ощутимый ущерб мятежникам. Сначала огнём главного калибра броненосца «Ростислав» был уничтожен присоединившийся к мятежникам миноносец «Свирепый», затем огонь был перенесен на мятежный крейсер. Именно от снарядов, выпущенных из орудий броненосца, на «Очакове» появилось девять пробоин с левого борта. Завершающим аккордом этого эпизода выглядит последняя запись в корабельном журнале «Ростислава» об уничтожении миноносца №270, на котором пытался спастись бегством лейтенант Шмидт, позднее

⁵ РГА ВМФ. Ф. 434. Оп. 2. Д. 401. Личное дело воспитанника Высоцкого.

⁶ РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 740. Личное дело Штабс-капитана Корпуса Инженер-Механиков флота Высоцкого.

доставленный на флагманский броненосец. Финал мятежа разворачивался прямо на глазах у поручика Корпуса Инженер–Механиков флота Высоцкого. Все время которое лейтенант Шмидт находился на „Ростиславе”, старший офицер броненосца лейтенант Карказ призывал офицеров и даже матросов полюбоваться на изменника...

В мае 1906 г. Николай Васильевич был переведён на Балтийский флот младшим судовым Инженер–Механиком крейсера I ранга «Память Азова».

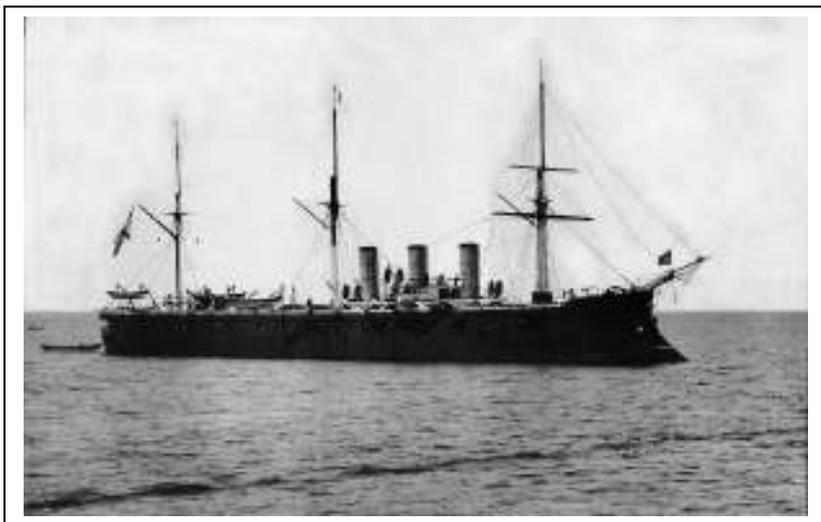

Фото 2. Броненосный крейсер «Память Азова».

Прошло всего восемь месяцев с момента подавления восстания на крейсере «Очаков» и судьба уготовила для молодого офицера новое испытание. На этот раз Николай Васильевич стал непосредственным участником трагических событий на крейсере «Память Азова»⁷. Восстание на крейсере не раз было подробно описано в литературе по истории революционного движения на флоте, но воспоминаний непосредственных очевидцев не так много. Приведём несколько отрывков из показаний поручика Н.В. Высоцкого, сохранившихся в РГА ВМФ⁸:

« ... В ночь с 19 на 20 июля я присутствовал до 1 1/4 ночи в носовой кочегарке, где шли спешные работы по съему цилиндра донки Бельвиля. <...> После прекращения работ я ушел к себе в каюту, разделся, помылся, лег на койку и начал читать. Читал я не долго, около 1 3/4 ночи ко мне в каюту вошли старший офицер капитан 2 ранга Мазуров и лейтенант Селитренников. Первый из них приказал мне обойти машинное и кочегарное отделения и записать всех лишних людей, если таковые обнаружатся. Его приказ был мной исполнен. Кроме дежурного, дневального и смены у дежурного котла я никого не нашел. Пошел доложить об этом старшему офицеру. Я нашел его на жилой палубе у верхнего таранного отделения, которое он осматривал. Там же были лейтенанты Захаров и Селитренников и мичман Крыжановский. Я

⁷ РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 33900, 33901 - Вахтенный журнал крейсера 1 ранга «Память Азова».

⁸ РГА ВМФ. Ф. 407. Оп. 1. Д. 4009. С. 93 – 95.

присутствовал при том, как был арестован студент Петров, назвавшийся кочегаром и сказавший, что его №122...

... Очень скоро к арестованному прошел командир капитан 1 ранга Лозинский и когда он возвратился обратно, то у самого выхода из кают-компании, он встретился с каким-то квартирмейстером, который громко доложил ему, что у часового пропал ящик со снаряженными лентами для пулемета. Оставшиеся ящики были тотчас перенесены лейтенантом Селитренниковым в свою каюту. Командир же, выходя из кают-компании, отдал приказ лейтенанту Унковскому перенести все винтовки в кают-компанию, что Унковский и начал проводить в исполнение. Офицеры остались в кают-компании и стали снимать штыки и вынимать у винтовок замки, пряча их по офицерским каютам. Всех винтовок перенести не удалось, так как сверху раздались выстрелы, сначала редкие, затем чаще, потом смолкли и через несколько секунд снова затрещали. Я услышал стоны вверху и голос командира в люк кают-компании «господа офицеры с револьверами наверх!». Все офицеры, как я видел, пошли через трап адмиральского помещения, я же вышел через правую дверь 135 переборки и поднялся на верхнюю палубу через правый трап у машинного люка. Едва я сделал несколько шагов, как сзади, по-видимому, из коечных сеток, по мне был дан залп, пули свистели очень близко, но я не был ранен... В это время я ясно услышал голоса с кормового мостика: «Ваше Благородие, идите за рубку, а то Вас убьют!». Я бросился за штурмовую рубку. В это время из люка адмиральского помещения вышли на палубу лейтенанты Селитренников, Вердеревский, мичманы Сакович и Крыжановский и командир отряда флигель-адъютант Дабич. Я с ними и с револьвером в руке пошел на левую сторону шканец. По нам снова затрещали винтовки, были ранены лейтенанты Селитренников и Вердеревский, я успел сделать два выстрела из револьвера, стрелял наугад по направлению к машинному люку. ... У меня быстро в голове пронеслась мысль, что надо потопить крейсер, сбив кингстоны в машинном и кочегарном отделении. Чтобы привести эту мысль в исполнение, и полагая, что в этом предприятии мне команда вряд ли поможет, я решил отыскать старшего механика и с его помощью привести этот план в исполнение. На верхней палубе стрельба не прекращалась и я, по-видимому, своим окриком привлек внимание стрелявших. Было сделано несколько выстрелов в машинный люк правой машины. Я слышал свист пуль и бросился обратно в кают-компанию.

В помещении флагманской канцелярии я увидел Дабича, который выходил с балкона, Римского-Корсакова, Трофимова, раненых Селитренникова и Крыжановского. Последние вместе с флагманским доктором Поповым и поручиком Трофимовым несли раненого командира. Я помог им вынести его на балкон, где собрались все вышеназванные офицеры, вместе с командующим, который увидев меня приказал мне

спуститься на стоящий на бакштове⁹ таранный барказ и поторопить на нем разводку паров. Спустившись, я застал на нем лейтенанта Унковского и двух штатских, машиниста и рулевого того же барказа, которые уже поднимали пары. Я пустил форсун и приказал машинисту бросать в топку вместе с углем паклю и лить туда масло. Таким образом, мы подняли пары до 20 фунтов. Все это время сверху слышались выстрелы и крики: «На таранном барказе, стать на шкентиль!»

... Провозившись несколько минут, мы дали ход, машина, хотя медленно, но завертелась, и мы пошли. Сверху почти тот час же раздались по барказу ружейные выстрелы. Пули нам никакого вреда не нанесли, и мы продолжали медленно задним ходом отходить от крейсера к берегу, но вскоре по нам открыли огонь из кормовых орудий мелкой артиллерии. Снаряды сначала падали вокруг нас и вреда не причиняли, но один из них перебил наш штуртрос¹⁰, и мы не могли управляться, стали лагом к крейсеру, и этот момент был моментом наибольшего попадания в нас снарядов. Тогда же был убит раненый и лежащий в носовой части командир, раздроблены ноги у мичмана Погожева, ранен Дабич, ранен на корме барказа лейтенант Унковский, пробит борт во многих местах. ...Через подводную пробоину прибывала вода, и барказ стал крениться на правый борт. Мы все перешли по колено в воде на нос барказа и оттуда увидели, что от «Памяти Азова» отвалил паровой катер и гонится за нами. Стрельба скоро прекратилась, барказ наш остановился и офицеры начали прыгать в воду, чтобы достичь берега вплавь. Мичман Павлинов, поручик Трофимов и я высадили с барказа раненого флигель-адъютанта Дабича, помогая ему держаться на воде. Сперва мыплыли к берегу, а затем почувствовали под ногами дно и шли в воде, и в это время в нас стреляли с гнавшегося за нами катера. Достигнув берега, мы углубились в лес, поддерживая все время Дабича...

... только вечером 21 июля на поезде прибыли в Ревель, были встречены контр-адмиралом Вульфом и генерал-губернатором, отвезли раненого и теряющего временами сознание Дабича в больницу и сами, узнав от контр-адмирала Вульфа, что «Память Азова» на Ревельском рейде и что на нем мятеж подавлен, вернулись часов в 10 вечера на крейсер».¹¹

Чем закончилась эта трагедия известно из протоколов судебного заседания¹². Бунт был подавлен, руководителя мятежа, гальванерного квартирмейстера 1-й статьи Петра Колодина, и семнадцать его ближайших сообщников по приговору суда расстреляли в крепостной башне Вышгорода «Толстая Маргарита». За бунт, за убийство офицеров так поступили бы с ними в любой стране.

⁹ Бакштов – конец троса, выпускаемый с кормы стоящего на якоре судна для крепления находящихся на воде судовых катеров и шлюпок.

¹⁰ Штуртрос – цепь или трос, идущие от штурвала к румпелю руля судна

¹¹ РГА ВМФ. Ф. 407. Оп. 1. Д. 4009. Л. 93–95.

¹² РГА ВМФ. Ф. 407. Оп. 1. Д. 4028. Л. 2–6.

Корабль был лишен Георгиевского флага и переименован в учебное судно «Двина». Офицеры, в том числе и поручик Высоцкий, были раскассированы по другим кораблям.

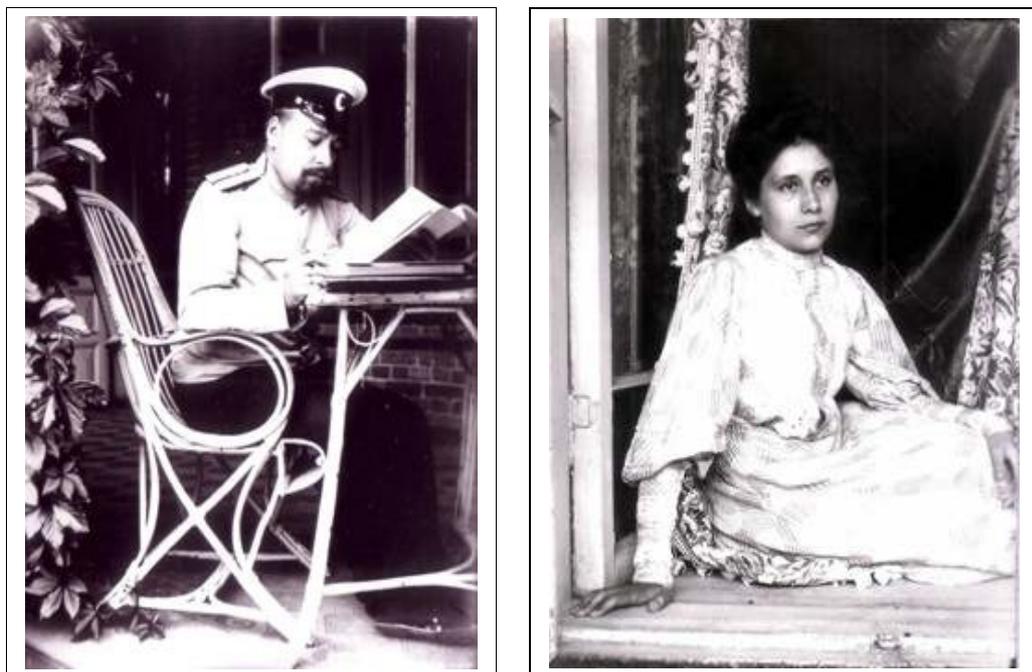

Фото 3. Николай Васильевич и София Дмитриевна Высоцкие. Большая Ижора. 1910–е годы. Семейный архив.

К счастью, кроме нелёгкой службы, судьба даровала Николаю Высоцкому и радостные события. В начале 1900 г. НВ познакомился с Софией Дмитриевной Александровой (12.9.1883 – 28.10.1924), близкой подругой его сестры Полины. София и Полина учились на одном курсе в Елизаветинском институте, «большинство воспитанниц которого были сиротами или дочерьми недостаточных родителей». Скорее всего, на одном из бальных вечеров София Дмитриевна и Николай Васильевич были представлены друг другу. В дальнейшем дружеская симпатия переросла в более глубокие чувства, и, хотя будущие свекровь и теща были против этого брака, молодые люди после нескольких лет переписки обвенчались 14 октября 1907 г. Летом 1909 г., в Ораниенбауме, в семье Высоцких появилась на свет первая дочь Ирина. В апреле 1911 г., в Либаве, родилась вторая дочь Нина.

В июне 1913 года инженер–механик старший лейтенант Высоцкий был назначен непосредственно наблюдающим по механической части за постройкой кораблей в Балтийском море. В августе 1915 года последовало назначение старшим судовым механиком на эскадренный миноносец «Летун». В декабре 1915 года был произведен в инженер–механики капитаны II ранга. 7 ноября 1916 года эскадренный миноносец

«Летун» при постановке минных заграждений подорвался на германской мине у острова Вульф всего в 11 милях от Ревельской гавани¹³

Н.В. Высоцкий, несмотря на тяжёлую контузию, возглавил работы по борьбе за живучесть корабля, чем фактически обеспечил его спасение.

Последствия контузии давали о себе знать всю оставшуюся жизнь. В наградном листе, представляя

Фото 4. Ирина и Нина Высоцкие. Около 1917 г. Семейный архив.

Н.В.Высоцкого к награждению мечами к ордену св. Станислава 2 ст., командир «Летуна» флигель-адъютант Б.А.Вилькицкий писал: «После взрыва мины 25 октября руководил работами по трюмной и механической части и принимал деятельное участие в определении повреждений повреждённой турбинной переборки и прекращению течи в турбинный отсек. Восстановил плавучесть и спас миноносец от гибели»¹⁴.

В ноябре 1916 года за отличие в делах против неприятеля был награжден орденом Св. Владимира 4 степени с мечами и бантом. В общей

сложности за годы своей службы Николай Васильевич был награждён орденами Св.Станислава 3 ст., Св.Анны 3 ст., Св.Владимира 4 ст. с мечами и бантом, Св.Станислава 2 ст., а так же светло-бронзовой медалью в память 100-летнего Юбилея Отечественной войны 1812 года, светло-бронзовой медалью в память 300-летнего Юбилея Царствования Дома Романовых и светло-бронзовой медалью в память 200-летнего Юбилея Гангутской битвы.

В 1917 году Николай Васильевич продолжил службу на должности непосредственно наблюдающего по механической части за постройкой кораблей в Балтийском море. Как раз к этому времени относится четвёртый эпизод трагического противостояния. В фамильных сагах это событие описано в воспоминаниях Н.Н. Годзевич (ур. Высоцкая, 1911–1996)¹⁵, младшей дочери Николая Васильевича, всего несколькими строчками: «...однажды отец по льду Финского залива пешком шел в Кронштадт, навстречу ему бежали матросы, остановили его, крича, что бы он возвращался обратно: «Убьют вас! Бегите! В Кронштадте

¹³ Предположительно, мина была поставлена немецкой подводной лодкой. Подробнее о подрыве см.: Пузыревский К.П. Повреждения кораблей от подводных взрывов и борьба за живучесть. По историческим материалам мировой войны 1914–1918 годов. СПб., 2000. С. 125–129.

¹⁴ РГА ВМФ. Ф. 481. Оп. 2. Д. 15. Л. 252.

¹⁵ Годзевич Нина Николаевна. О себе, сестре и предках наших. Воспоминания. – Л.: Семейный архив семьи Высоцких-Годзевичей-Валиевых, 1979.

идет резня, расстрелы. Всех офицеров без разбору убивают!»¹⁶. Вернувшись домой, отец узнал от мамы, что многих на Нижегородской улице (ныне Лебедева) у Финляндского вокзала забрали, увели на расстрел. Недалеко от нашего дома была тюрьма, слышны были выстрелы... Папа понял, что в форме уже ходить нельзя. Но специальность механика (котлы, паровые турбины) – всегда специальность. Надо работать. Обыски, аресты, расстрелы продолжались, но папу никто не трогал».

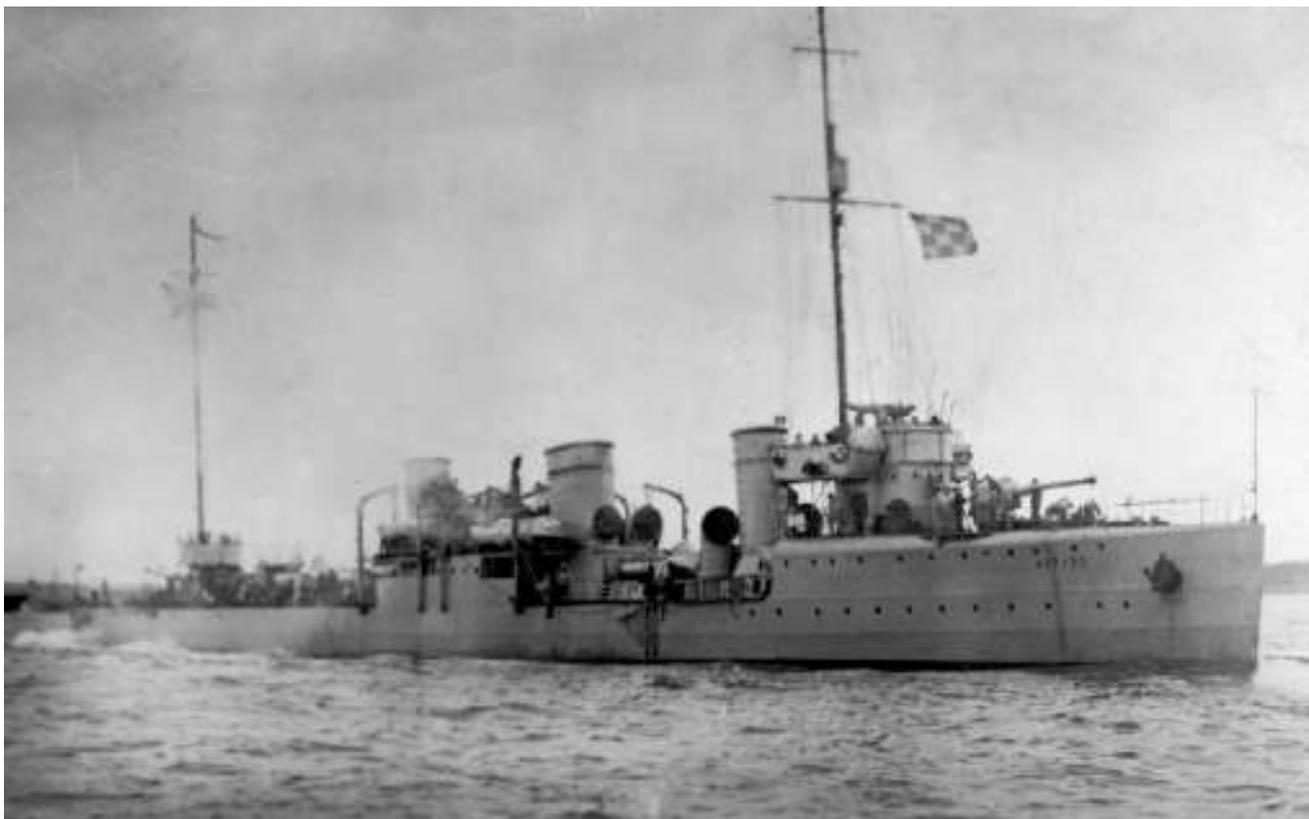

Фото 5. Эсминец «Летун». Фотография предоставлена С.Н. Харитоновым

Безусловно, в приведённом отрывке речь идёт о «восстании» матросов в марте 1917 года. Разъяренные толпы матросов, солдат и черни метались по улицам Кронштадта. Вскоре к ним присоединились сотни выпущенных арестантов, началось истребление офицеров. Всю ночь убийцы рыскали по квартирам, грабили и вытаскивали офицеров, чтобы с ними расправиться. Одной из жертв стал адмирал Р.Н. Вирен (1856–1917), главный командир и военный губернатор Кронштадта. За отказ изменить Государю были расстреляны начальник штаба порта контр-адмирал А.Г. Бутаков (1861–1917), командир 1 Балтийского флотского экипажа генерал-майор Н.В. Стронский (1863–1917), капитаны I ранга Н.И. Повалишин (1867–1917), К.И. Степанов и Г.П. Пекарский,

¹⁶ Речь идёт о «восстании» матросов в марте 1917 года, повлекшем за собой гибель многих русских офицеров.

капитаны II ранга А.М. Басов и В.И. Сохачевский, старшие лейтенанты В.В. Будкевич, В.К. Баллас, мичман Б.Д. Висковатов и многие другие. По воспоминаниям очевидцев, «зверское избиение офицеров в Кронштадте сопровождалось тем, что людей обкладывали сеном, и, облив керосином, сжигали; клали в гробы вместе с расстрелянными живого, расстреливали отцов на глазах у сыновей».

Николай Васильевич чудом избежал смерти, от которой его отделяли три–четыре мили кронштадтского льда. На этот раз Господь Бог уберёт Высоцкого от гибели. Но новые времена готовили новые испытания.

После революции Н.В. Высоцкий продолжил службу в должности Помощника Главного Инженер-Механика Балтийского Флота и в 1921 году был назначен Флаг–инженером Механиком Морштареспа. С 1923 года Николай Васильевич – штатный преподаватель Морского Инженерного Училища (МИУ), Помощник Начальника Учебного Отдела МИУ¹⁷, основатель и руководитель кафедры инженер–механиков.

Преподавательская работа всегда нравилась Высоцкому, он с удовольствием преподавал, читал лекции курсантам, подготовил к печати учебное пособие «Паровые турбины».

Конечно, бывший офицер Императорского Российского флота не вызывал большого доверия у новой власти. В аттестации за 1923 год было записано (сохранена орфография оригинала):

Фото 6. Н.В. Высоцкий. «Корабли в походе» (бумага, акварель, медь, дерево). Шкатулка (резьба по дереву)

«Служил инженер–лейтенантом Штаба Балтийского Флота, потому имеет значительный опыт, участвовал во многих комиссиях. Должности

¹⁷ Список личного состава Рабоче–Крестьянского Красного Флота. Строевой отдел Штаба РККФ. – Л.: 1924. – С.67.

заведующего отделением на Механическом Отделении Училища соответствует вполне.

С политической стороны ни в чем себя не проявляет. Остальные качества так же покамест не замечены»¹⁸.

По словам современников, Николай Васильевич был остроумен, начитан, образован, любил оригинальничать, знал много стихов, умел в обществе блеснуть и произвести впечатление. Вместе с тем, любил тишину, покой – видимо, сказывались тяготы военной службы. Удивительно, но в душе морского волка жили способность и желание чувствовать и созидать прекрасное – главным и всепоглощающим досугом Николая Васильевича было художественное рукоделие. В семье до сих пор берегаются многочисленные ларцы, шкатулки, чеканки, полочки, картины, сделанные его руками. Прекрасно сохранились фотопластинки с дореволюционными фотографиями – еще одно увлечение прадеда.

На некоторое время показалось, что жизнь приобретала черты стабильности и самое страшное уже позади. Как далеко это было от действительности! Вновь обращаюсь к фамильной саге, написанной рукой дочери Николая Васильевича:

«...Настал 1924 год – роковой для нас год. Умер Ленин. К власти пришел Сталин. Начались немыслимые аресты. Снова обыски, снова тревожные ночи, засады в квартирах. То и дело к домам подъезжали ночью машины. И снова воцарялась тишина. Люди шептались в страхе, говоря что-то и ожидая чего-то. В одну из ночей явились и к нам. Сделав обыск, забрали папу, маму и квартирантку, которая жила в одной из комнат. Я в окно увидела открытую машину, украшенную почему-то березками и развевающийся по ветру мамин шарф. Была весна, белая ночь. 12 июня 1924 года.

... Как это все было тревожно и страшно. Мама ничего не понимала и при первом дозволенном с ней свидании говорила нам: «Вы же на свободе, пойдите, узнайте, за что нас взяли. Почему мы в тюрьме? Ну, узнайте же, тут ведь такая путаница, мне говорят, что я урожденная графиня Потоцкая и ищут сына Высоцкого. Где он? Сына никогда не было. Вот как?!?!».

Дети остались с сестрой Софии Дмитриевны, Марией Дмитриевной Александровой¹⁹, которая делала всё возможное для спасения своей любимой сестры и Николая Васильевича, писала во все инстанции, в том числе, Екатерине Павловне Пешковой (1876–1965)²⁰. Письма наполнены

¹⁸РГА ВМФ. Ф. р-2192. Оп. 2. Д. 3655. Личное дело Высоцкого Николая Васильевича.

¹⁹ Мария Дмитриевна Александрова (1886–1964) – младшая сестра С.Д. Высоцкой. После гибели Н.В. и С.Д. Высоцких спасла и вырастила осиротевших племянниц, Ирину и Нину Высоцких.

²⁰ Екатерина Павловна Пешкова (1876-1965), жена М.Горького – в 1920-х – 1930-х гг. состояла председательницей «Политического Красного креста». С разрешения властей эта организация занималась судьбой политических заключённых. К сожалению, реально удалось облегчить участь не более двух-трёх десятков из многих тысяч арестованных.

страстной мольбой о помощи, переживаниями о судьбах близких людей, надеждой на их освобождение²¹.

3 ноября 1924 г.

Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Сообщаю Вам, что София Дмитриевна Высоцкая расстреляна с 22–25 октября с.г. ... Это так неожиданно и невероятно, так как Высоцкие себя не чувствовали виноватыми, хотя обвинялись по 66 ст. У детей отнята мать, что будет с отцом? Мы узнать ничего не можем. Прошу Вас обратит внимание на это дело. Кому понадобилась кровь ни в чём не виноватых людей. Если можно что-нибудь сделать для их отца и ещё не поздно – прошу Вас, помогите!

Дело Николая Васильевича Высоцкого за № 1137.

М.Д. Александрова»

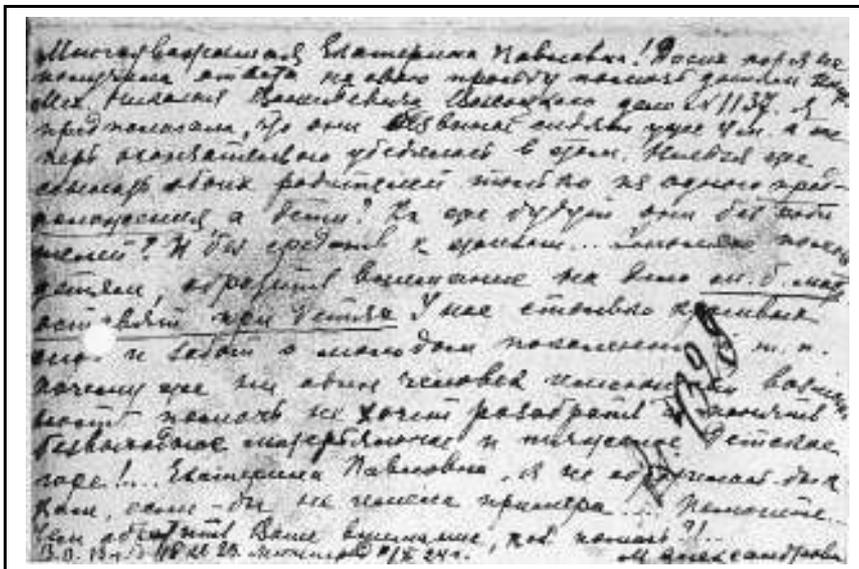

Фото 7. Письмо М.Д. Александровой к Е.П. Пешковой, октябрь 1924 г.

После краха советской власти в 1990–х годах нам удалось добиться разрешения на ознакомление с делом ОГПУ²² по обвинению Высоцких в антисоветской деятельности. Безусловно, боевой офицер Императорского Российского флота не питал тёплых чувств к советской власти. Это видно и по служебным характеристикам Высоцкого, и по рассказам его дочери. Но абсолютным откровением для нас стал тот факт, что главным действующим лицом этой трагедии была «назначена» наша прабабушка, София Дмитриевна Высоцкая. Именно её карательная машина посчитала главным организатором антисоветской группы. Вот в этот бред поверить уже совершенно невозможно – София Дмитриевна была абсолютно домашним, аполитичным и скромным человеком. Все её мысли были устремлены к созданию домашнего очага, воспитанию девочек, защите семьи от бушующих революционных ураганов.

²¹ Письма Александровой М.А. к Пешковой Е.П.// Фонд Е.П. Пешковой. – ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д.39. – Л. 9,11,74–79.

²² Архив управления ФСБ по СПб и ЛО. Архивно-следственное дело № П-74181.

По результатам следствия Отдел Контр–Разведывательных Операций (КРО) ОГПУ определил для доклада Особому Совещанию при Коллегии ОГПУ на предмет административной высылки:

«1. гр–на Копчинского Б.И., Высоцкого Н.В. – Соловецкий и/л сроком на 3 (три) года каждого.

2. Высоцкой С.Д. и Казанцевой З.Е. – на Урал сроком на 2 (два) года каждую».

Марии Александровне этот приговор показался не в меру строгим, и она ходатайствовала о смягчении наказания или, по крайней мере, о ссылке Высоцких в один регион. Если бы она знала, каким желанным и гуманным будет выглядеть этот вердикт всего через три месяца!!! Мы никогда не узнаем, что послужило причиной кровавого решения Особого Совещания – возможно, набирала обороты жестокая «плановая» система борьбы с классовым врагом, возможно, сверху последовали указания «ужесточить, усилить, углубить», а может быть, просто Председатель

Фото 8. Борис Елиазарович Годзевич.
Семейный архив.

революционного трибунала плохо спал предшествующей ночью – скорее всего, в несчастный для нашей семьи день сошлись в одну точку многие причины ... 13 октября 1924 года красным карандашом поперёк «гуманного» предложения об административной высылке Коллегией ОГПУ было начертано: «Высоцкую Софию Дмитриевну, Высоцкого Николая Васильевича, Копчинского Бориса Ивановича – р а с с т р е л я т ь» .

28 октября 1924 года приговор был приведён в исполнение.

Все старания семьи узнать место упокоения мучеников остались безрезультатными. В 1924 году на вопросы М.Д. Александровой следователь ответил: «Если Вы будете продолжать сюда ходить и что–то узнавать, то последуете за своей сестрой». В 1989 году на наш запрос в Военную прокуратуру ЛВО о судьбе невинно убиенных пришёл стандартный ответ о реабилитации Н.В. Высоцкого и С.Д. Высоцкой...

Наступает время рассказа о втором капитане в нашей родовой истории. Мой дед, инженер–капитан II ранга Борис Елиазарович Го(а)дзевич (3.7.1903 – 7.6.1944), родился в семье учителя Елиазара Стахивича Гадзевича (1.8.1863 – 2.1.1917) польско–литовского происхождения и украинки Марии Павловны Гадзевич (ур. Мендюк, 29.7.1872 – 1940) в деревне Поточки, Замостского уезда, Холмской

губернии²³. Кроме Бориса в семье росли четыре брата и две сестры: Евгений (18.10.1894 – 5.7.1917) – офицер, погиб на Румынском фронте Первой мировой войны; Анатолий (30.9.1896 – 27.11.1937) – инженер, репрессирован по «польскому» делу; Сергей (8.4.1902 – 3.12.1969) – морской офицер, инженер; Всеволод (16.9.1904 – 12.2.1942) – погиб от голода в блокадном Ленинграде; Лидия (4.2.1898 – 1934) и Галина (1.4.1910 – 1977).

Около 1908 г. семья переехала в Варшаву, где отец получил должность старшего учителя. В советское время всячески замалчивались польские фамильные корни и Поточки чудесным образом переместились из Люблинской в Полтавскую губернию.

Вскоре после начала Первой мировой войны всё православное население Польши по правительственному указу было эвакуировано в глубинные губернии России. Оправдывалась эта акция заботой о жизни и состоянии обывателей. Исход сопровождался слухами о страшной судьбе ослушавшихся и обещаниями скорого и победоносного возвращения. Семья переехала сначала в Волынскую губернию, затем еще дальше на восток, в Полтаву. Старший сын, Евгений Гадзевич, после окончания Варшавского Реального училища в 1914 г. прошёл ускоренный курс Николаевского инженерного училища и ускоренный курс по прожекторному делу в офицерской электротехнической школе. В марте 1916 г. был назначен исполняющим делами Начальника 1-го отделения прожекторной роты 10-го Сибирского саперного батальона. Погиб 5 июля 1917 г. на Румынском фронте во время рекогносцировки²⁴. Второй по возрасту сын, Анатолий, окончил полный курс Варшавского Реального училища и в 1914 г. подал документы на Кораблестроительное отделение Морского Инженерного училища Императора Николая I²⁵. Тем самым были заложены морские традиции семьи Годзевичей. После Анатолия в Морском инженерном училище учились его младшие братья Борис, Сергей и Всеволод.

Отец семейства, Елиазар Стахивич, после эвакуации семьи в 1915 году окончил краткосрочные санитарные курсы и служил «санитаром–проводником поездов беженцев в Организации по устройству беженцев Кн.Урусова». В августе 1916 г. был зачислен Помощником Заведующего хозяйством 4 Эпидемического отряда при Киевском комитете Юго–Западного фронта Всероссийского Земского Союза. В начале 1917 г. Елиазар Стахивич вернулся в Полтаву совершенно больным и обессиленным и через несколько дней умер на руках у Марии Павловны.

---

²³ Гос. архив в Замостье, ПНР. Акты Гражданского состояния Православного Прихода в Поточке - шифр 22 (1896 г) №39, с.22.

²⁴ РВГИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 3195; Ф. 409. Оп. 1. Д. 96780.

²⁵ РГА ВМФ. Ф. 434. Оп. 2. Д. 411. Морское Инж. училище Императора Николая I. Личное дело Анатолия Гадзевича.

Вскоре пришло и трагическое известие о гибели на Румынском фронте старшего брата Евгения.

Мария Павловна осталась одна с шестью детьми в возрасте от 7 до 21 года. К счастью, старшие дети смогли взять часть забот о семье на свои плечи. Анатолий окончил Морское инженерное училище в 1918 году, работал инженером на Николаевском судостроительном заводе и жил самостоятельно. В конце 1920 г. к нему переехала из Полтавы осиротевшая семья. В 1922 г. Анатолий обвенчался с Ниной Александровной Зарудной (1904–1988), внучкой известного военно–морского деятеля, начальника гидрографической части и начальника Черноморской гидрографической экспедиции вице–адмирала Виктора Ивановича Зарудного (1828–1897) и дочерью капитана I ранга Александра Викторовича Зарудного (27.8.1874–1921). Мать Нины Александровны, Атонина Ивановна Зарудная (ур. Маврокардато), принадлежала к старинному дворянскому княжескому роду Маврокардато.

26 августа 1937 г. Анатолий Елиазарович был арестован в рамках набирающего обороты «польского дела». В результате известных методов дознания Анатолий «признался» в инкриминируемом ему участии в контрреволюционном заговоре.

По результатам сфабрикованного расследования 22 ноября 1937 года Анатолий был приговорен Комиссией НКВД и прокуратуры СССР по статье 58–6–9–11 УК РСФСР к высшей мере наказания и расстрелян 27 ноября 1937 г.²⁶

Борис Елиазарович Годзевич²⁷, начал учиться в Первой Мужской Варшавской гимназии, продолжил образование в Первой Мужской Полтавской гимназии и в Николаевском Судостроительном техникуме²⁸. В ноябре 1923 г. после переезда семьи в Петроград вместе с двумя своими братьями Сергеем и Всеволодом подал документы в МИУ, однако, руководство училища отказалось принимать сразу трёх братьев Годзевичей. Сергей остался в МИУ, а Всеволод и Борис поступили в ВМУ им. Фрунзе.

К этому времени относится первое упоминание братьев Годзевичей в семейной хронике Высоцких²⁹:

«Мой отец <Николай Васильевич Высоцкий> преподавал в училище. И я помню, как он однажды сказал: «Такие парни хорошие, и их зажимают, не дают трем братьям поступать сразу». Это были три Годзевича. Сережа поступил и стал учиться в Дзержинке, а Боря и Сева попали в училище Фрунзе и, самостоятельно готовясь, перескочили через курс, и оказались на следующий год в училище

²⁶ Архив управления ФСБ по СПб и ЛО. Архивно-следственное дело № П-64294. Годзевич Анатолий Елиазарович.

²⁷ Первоначальное написание фамилии Годзевич позднее трансформировалось в Годзевич.

²⁸ ЦВМА МО РФ. Ф. 436. Оп. 11771. Д. 16401. Личное дело Годзевича Бориса Елиазаровича.

²⁹ Годзевич Нина Николаевна. О себе, сестре и предках наших. Воспоминания. – Л.: Фамильный архив семьи Высоцких-Годзевичей-Валиевых, 1979.

Дзержинского – Сева на механическом, Боря на кораблестроительном факультетах. А Сережа был ниже их курсом на электротехническом факультете. Я часто бывала в этом училище у папы на его кафедре инженеров механиков. Он читал у Севы свой предмет... И я не знала, что эти Годзевичи будут мне так близки. И что я и мои дети будут носить эту фамилию».

Итак, Борис Елиазарович Годзевич в марте 1924 года перешел в МИУ. В октябре 1927 года окончил училище³⁰ и получил распределение на Дистанцию аварийных доков судоремонтного завода Главвоенпорта Балтийского моря, где проработал в должности инженера до ноября 1930 г.

Фото 9. Нина Николаевна Годзевич, ур.Высоцкая. Семейный архив.

Первые служебные аттестации Бориса Елиазаровича носили неоднозначный характер³¹. В 1928 г. «Молодой, неуравновешенный, вспыльчивый, с большим самомнением и совершенно не дисциплинированный. Достаточно знаком с производством, принимая во внимание короткий служебный срок. Хорошо разбирается в практических технических вопросах. Есть организационные способности и инициатива... Необходим за ним постоянный надзор и руководство, так как показывая свою самостоятельность легкомысленно рискует в работах». Однако, профессиональные качества «Вполне может занимать должность инженера дистанции. Аттестации

соответствует, подлежит повышению в очередном порядке на должность»

За 1929 – 1930 г.г.: «Дисциплинированность медленно улучшается. Весьма самомнителен и самонадеян. Делом интересуется и, обладая достаточным знанием производства, быстро и умело ориентируется в сложных задачах. Есть основания предполагать улучшение отношения к службе, в виду изменения семейного положения... При постоянном надзоре дистанцией Аварийных доков руководить может, обладая самостоятельностью и решительностью своего характера. Подчиненными руководить может. Теоретически подготовлен хорошо и продолжает совершенствоваться, инициатива богатая. В будущем обещает быть крупным специалистом».

С ноября 1930 по февраль 1934 года Борис Елиазарович Годзевич проходил службу в должности старшего инженера конструкторского бюро

³⁰ В 1927 г. училище переименовали в Военно-морское инженерное училище имени т. Дзержинского.

³¹ РГА ВМФ. Ф. 2192. Оп. 3. Д. 546

на Морском заводе Управления Ремонта и снабжения Главвоенпорта Балтийского моря в г.Кронштадте. В 1932 году окончил Балаклавскую школу водолазов–специалистов. В 1934 году перешел в Морской отдел Управления Уполномоченного НКТП³² в Мытищах по специальным работам. С февраля 1936 года работал в Научно- исследовательском институте Военного Кораблестроения РККФ сначала в должности старшего инженера, а с 1938 года в должности начальника отделения тяжелых кораблей надводного кораблестроения.

Следует отметить, что в 1929 г. соединились фамильные линии Годзевичей и Высоцких – Борис Елиазарович Годзевич женился на Нине Николаевне Высоцкой – дочери Инженер–Механика Капитана II ранга Николая Васильевича Высоцкого.

В сентябре 1938 года начался самый важный и продуктивный период в службе Бориса Елиазаровича – он перешёл в Научно–Технический Комитет РККФ и приступил к работе в группе ученых и инженеров, занимающейся разработкой метода защиты кораблей от нового опасного вида оружия – магнитных мин. Научным руководителем группы был будущий академик и Председатель АН СССР, профессор А.П. Александров, а одним из участников И.В. Курчатов. Б.Е. Годзевич являлся куратором работ от ВМФ, руководителем всех флотских групп размагничивания и непосредственным участником работ по размагничиванию кораблей на КБФ, ЧФ, Волге.

25 февраля 1938 г. Б.Е. Годзевичу было присвоено звание военинженера I ранга, 13 июля 1940 г. был переименован в инженер–капитаны II ранга³³.

В аттестациях за 1939 – 1940 г.г.³⁴ дана следующая оценка деловых и личных качеств офицера Годзевича: *«... является крупным специалистом по вопросам противоминной защиты кораблей (ПМЗ). Принимает активное участие в работе специальной Комиссии проводящей опыты по ПМЗ. Общее и специальное развитие хорошее. Деловым авторитетом пользуется... Решительный и смелый, что базируется на большом практическом опыте. Сообразительный, находчивый и способный хладнокровно ориентироваться в любой обстановке. Умеет организовать работу. Любит свою специальность и море». В секретном приложении к аттестации сказано: «С начала войны, когда выявилась необходимость сохранения кораблей ВМФ от магнитных мин врага, т. Годзевич принял деятельное участие по размагничиванию кораблей Балтийского флота. Находясь под бомбардировками врага, т. Годзевич, не считаясь со временем и своим личным положением, в отрыве от семьи, совместно с рабочими ЛИФТИ проделал ряд полезных работ по размагничиванию кораблей, создавая порой здесь же на месте проекты по размагничиванию. Позже, с целью*

³²НКТП - Наркомат Тяжёлой промышленности

³³ ЦВМА МО РФ Послужная карта офицера Годзевича Б.Е.

³⁴ЦВМА МО РФ фонд 436 оп.11771 дело 16401 – Личное дело Годзевича Б.Е.

оказания помощи по размагничиванию и ЧФ, т. Годзевич, был направлен на Чёрное море, где он так же показал себя не с плохой стороны».

В неимоверно короткие сроки были разработаны системы и методы магнитной защиты кораблей. История этой важнейшей работы достаточно хорошо описана в отечественной литературе³⁵. Имя Бориса Елиазаровича Годзевича неоднократно упоминается в воспоминаниях академика Александрова³⁶.

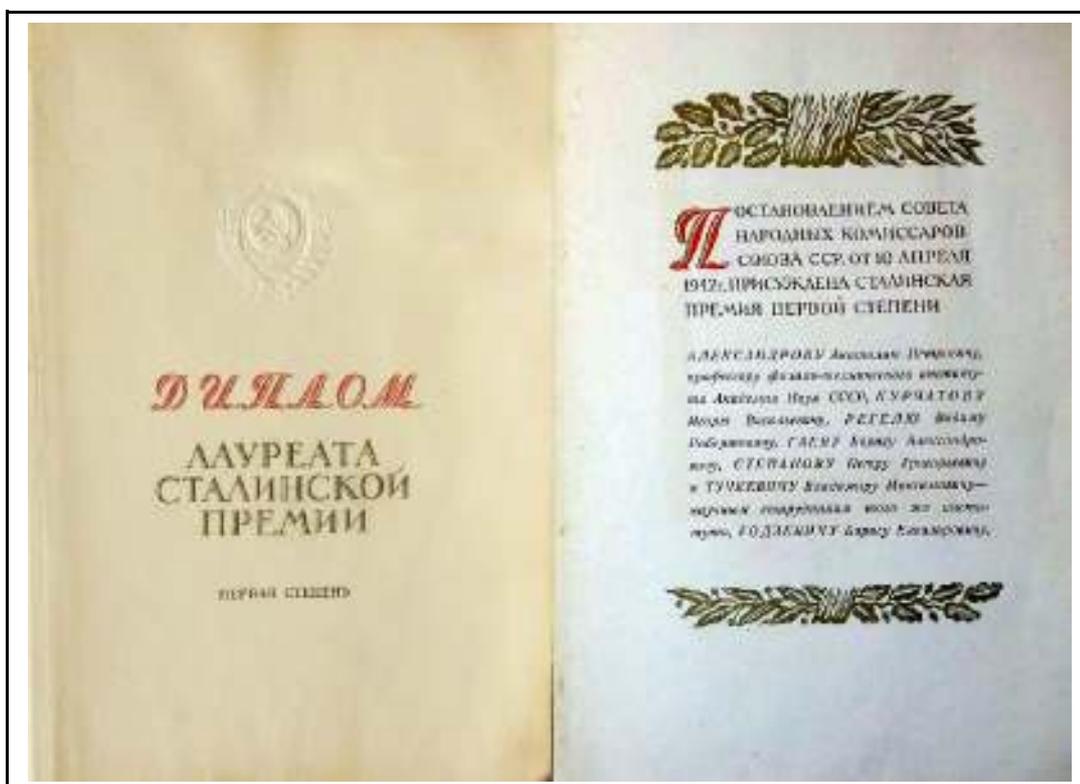

Фото 10. Диплом Лауреата Сталинской Премии Первой степени Б.Е. Годзевича. Семейный архив.

27 июня 1941 г. был издан приказ о создании Балтийской и Черноморской бригад НТК и ЛФТИ под общим командованием Б.Е. Годзевича, обязанных координировать работы по размагничиванию. 6 июля заместителем Годзевича был назначен Анатолий Петрович Александров и создана Северная группа. Предписано было на всех флотах создать бригады для монтажа размагничивающих устройств и включить в них конструкторов ЦКБ НКСП³⁷. Следует сказать, что за 2–3 месяца развернувшаяся с первых дней войны напряженнейшая работа по

³⁵Ткаченко Б.А. История размагничивания кораблей Советского Военно-Морского флота. Ленинград, «Наука», 1981; Панченко В. Д. Размагничивание кораблей Черноморского флота в годы Великой Отечественной войны/Под ред. А. П. Александрова, В. Р. Регеля. М.: Наука, 1990; Регель В.Р., Ткаченко Б.А. Размагничивание кораблей в годы Великой Отечественной войны // Природа. 1975. №4. С.14-23.

³⁶ А.П. Александров. Документы и воспоминания. К 100-летию со дня рождения/отв. Ред. Акад. Н.С, Хлопкин. – М.: Изд АТ, 2003 С.7-16.

³⁷ЦКБ НКСП – Центральное Конструкторское Народного комиссариата судостроительной промышленности СССР. НКСП осуществлял руководство судостроительной промышленностью СССР с 11 января 1939 года по 15 февраля 1946 года. Главной задачей НКСП была реализация «Программы строительства боевых кораблей и вспомогательных судов ВМФ на 1938—1945 годы».

массовому оборудованию кораблей размагничивающими устройствами на большинстве действующих кораблей была завершена. Благодаря работе группы, Советский флот оказался своевременно и надежно защищён от воздействия грозного оружия. Потери флота от магнитных мин были сведены к минимуму. В апреле 1942 г. группа разработчиков нового метода защиты кораблей от магнитных мин за выполнение специального задания правительства была удостоена званий Лауреатов Государственной премии I степени³⁸. В состав группы входили специалисты ЛФТИ А.П.Александров, И.В.Курчатов, В.М. Тучкевич, П.Г. Степанов, В.Р. Регель, Б.А. Гаев и офицеры НТК ВМФ Б.Е. Годзевич и И.В. Климов. Летом 1942 года Борис Елиазарович принимал непосредственное участие в работе группы размагничивания кораблей на Волге. В мае 1943 г. был назначен начальником аварийно–спасательного отдела Черноморского флота.

При невыясненных обстоятельствах 7 июня 1944 года инженер–капитан 2 ранга Борис Елиазарович трагически ушел из жизни. Беспартийный офицер с польской фамилией, брат и зять расстрелянных врагов народа был лёгкой мишенью для клеветы и доносов. Очевидно, что некоторые сослуживцы Бориса Елиазаровича откровенно завидовали его успехам и наградам. По семейной версии, Борис Елиазарович узнал, что по доносу «доброжелателя» в ближайшее время он будет арестован и предан суду. Желая спасти семью от неизбежных последствий ареста, капитан Годзевич принял непростое решение...

В браке Бориса Елиазаровича и Нины Николаевны Годзевичей в Кронштадте родились дочь Кира (16.7.1930 – 22.8.2003) и сын Герман (9.1.1932 – 12.5.1957). Герман Годзевич после гибели отца продолжил морские традиции – в 1944 г. поступил в Нахимовское Военно–Морское училище, в 1950 г. продолжил учёбу в ВВМУ им. Фрунзе. В 1954 году окончил училище по специальности минер–торпедист и получил распределение на Балтийский флот. Трагически погиб 12 мая 1957 г. в районе острова Гогланд.

---

³⁸Постановление СНК СССР о присуждении Сталинской премии за выдающиеся работы в области науки. Газета «Правда» №101 (8872) 11 апреля 1942 г.

Фото 11. Кира и Герман Годзевичи. 1940–е гг. Семейный архив.

Кира Борисовна Годзевич вышла замуж за выпускника ВВМИУ им. Дзержинского Тимура Арслановича Валиева (22.2.1924 – 14.8.2002), третьего инженер–капитана II ранга в нашей непростой семейной летописи.

Фото 12. Тимур Арсланович Валиев. Около 1944 г. Ленинград. Семейный архив.

Представляет интерес сам факт службы на флоте уроженца знойного Ташкента. Вряд ли существует официальная статистика, но за всю свою жизнь мне удалось увидеть только двух узбеков – офицеров ВМФ, дослужившихся до звания капитана II ранга.

Тимур родился в интеллигентной узбекской семье педагога Арслана Валиева (1898 – 23.07.1984) и поэтессы, редактора женского журнала Хасият Тилляхановой (1907 – 1937).

Арслан Валиев – имел духовное образование, прекрасно владел немецким языком и принадлежал к высокому роду Саид Вали Ходжа Кори. Впрочем, в советское время все высокородные приставки в целях безопасности были старательно вымараны. Хасият Тилляхановой была одной из первых женщин Узбекистана, активно пропагандировавших светский образ жизни, статья о ней помещена в узбекской энциклопедии³⁹. В 1937 г., в возрасте 13 лет, Тимур лишился

³⁹ Узбекская Советская Энциклопедия. Ташкент 1978 г. Том 11. Стр. 100 – 101.

матери, она умерла после неудачной операции – практически, это означало начало взрослой жизни... Тимур учился в русской школе, прекрасно знал русскую и зарубежную литературу. Еще в детстве выучил арабскую графику и читал книги по востоковедению, географии, истории. В декабре 1941 г. в ташкентскую школу им. Коминтерна пришли представители ВВМИУ им. Ф.Э. Дзержинского. Практически вся мужская часть выпускных классов решила стать морскими офицерами, и в январе 1942 г. три десятка ташкентских мальчишек выехали в Баку сдавать экзамены на подготовительные курсы училища. Прошли комиссию двадцать человек, поступили только двое. В октябре 1942 г. после окончания курсов Тимур был зачислен в училище. Летом 1942 года курсанты училища принимали участие в военных действиях на Каспии, в период практики 1944 – 1945 годов – в боевом тралении минных полей на Северном флоте в Баренцевом море в целях обеспечения проводки англо–американских конвоев в Мурманск. Однако советское правительство и военачальники проявили достойную мудрость, старались сохранить будущее флота и не использовали курсантов на опасных направлениях. Судьба подольских курсантов не повторилась ...

Фото 13. Т.А. Валиев. 1964 г.
Севастополь. Семейный архив.

В 1944 г. училище вернулось в родной Ленинград. В сентябре 1947 г. Т.А. Валиев с отличием окончил училище по специальности «Корабельная электротехника» и получил распределение на Черноморский флот. Начал свою службу лейтенантом в должности командира электротехнической группы на эсминце «Лихой»⁴⁰ (сентябрь 1947 г. – февраль 1949 г.). В феврале 1949 г. в звании старшего лейтенанта был переведен на судостроительный завод в Николаев и назначен командиром электротехнического дивизиона строящегося крейсера «Адмирал Нахимов». В его обязанности входил надзор за сроками и качеством проведения работ. В конце 1950 г. вернулся в Ленинград и прослушал полный

курс Высших классов Офицерского состава инженерно – корабельной службы. С сентября 1951 г. продолжил службу на кораблях Черноморского флота. В 1956 г. сдал экзамены в Военно–морскую Академию им. Крылова, которую окончил в 1959 г. тоже с отличием.

⁴⁰ЭМ «Лихой» - бывший румынский эсминец типа Regele Ferdinand итальянской постройки 1928-29 гг. Захвачен советскими войсками в августе 1944 г. в Констанце. 14 сентября 1944 г. вошёл в состав Черноморского флота, в июле 1951 г. возвращен Румынии.

Т.А. Валиев демобилизовался в мае 1964 года в звании капитана второго ранга. Последняя должность – заместитель начальника отдела вычислительного центра штаба Черноморского флота.

Безусловно, флот во многом сформировал характер отца. Для национального менталитета узбеков абсолютно чужды идеи мореходства и дальних странствий. Вполне вероятно, что уроженец Ташкента был вынужден преодолевать внутреннее сопротивление вековых генов оседлости, и в этой борьбе не всегда победа была на его стороне. Внешняя романтика неминуемо уступала место тяжелому повседневному труду в отрыве от привычной среды обитания, жаркого лета, национальной кухни, языка общения, созерцательного Востока. Все это неминуемо приводило к внутреннему конфликту. Служебная карьера требовала не столько таланта и знаний, сколько заурядной исполнительности. Для отца это всегда было проблемой

Флоту были отданы 23 года жизни. Большинство его сослуживцев после выхода в отставку доживали свою жизнь на дачных участках или, в лучшем случае, преподавателями, инженерами по технике безопасности, начальниками спецотделов или отделов кадров в закрытых и полужакрытых учреждениях. Активная профессиональная жизнь для них заканчивалась. Для офицера Валиева отставка была промежуточным финишем, начиналась вторая жизнь, жизнь в науке...

Тимур Арсланович получил прекрасное техническое образование и смог успешно применить его на «гражданке». Бывший капитан II ранга стоял у истоков создания Института кибернетики в Узбекистане – обладая опытом работы на военном вычислительном центре, за короткий период создал и возглавил отдел, занимающийся вопросами теории информации. Всегда отличался принципиальностью и неприятием застойного бюрократического аппарата – если вставал выбор между административными и научными интересами, всегда делал выбор в пользу науки. На научных советах не пропускал заведомо слабые, конъюнктурные диссертации. Естественно, многим это мешало и порождало недоброжелателей...

С середины 60-х годов Т.А. Валиев начал активно публиковаться в республиканских и союзных изданиях. Полный список его трудов содержит около ста пятидесяти наименований, включая две монографии⁴¹. В 1967 году защитил кандидатскую диссертацию и активно работал над новым научным направлением, связанным с теорией и практикой передачи информации по линиям электропередач. В 1984 году защитил докторскую диссертацию.

---

⁴¹Т.А. Валиев. Помехоустойчивость систем передачи данных с дискретным накоплением. Изд. «Фан». Ташкент, 1969; Т.А. Валиев, Ш.А. Заргаров. Передача данных по ЛЭП. Изд. «Фан». Ташкент, 1973.

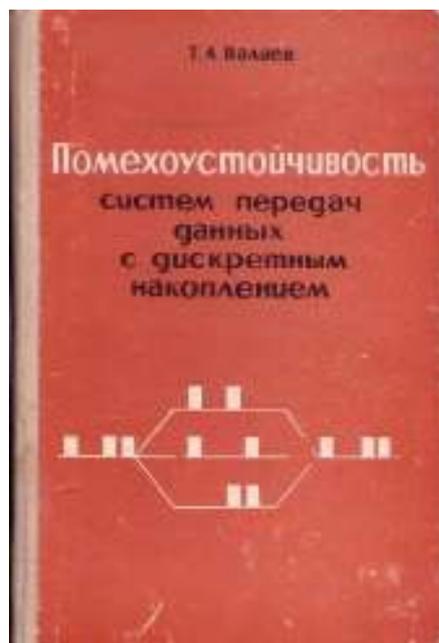

Фото 14. Т.А. Валиев.
Монография.

Советской империи его жизненный опыт и знания были востребованы социумом, и доктор технических наук попробовал свои силы на политическом поприще. Это была третья жизнь бывшего морского офицера – жизнь в политике ....

Тимур Арсланович попал на гребень бурной политической жизни первых лет независимости Узбекистана. Как представитель мыслящей национальной интеллигенции, он всегда с особым вниманием относился к идее национального возрождения. Никогда не был ортодоксальным националистом и всегда утверждал, что влияние России на историю развития Узбекистана носило положительный характер. По своим взглядам Тимур Арсланович был интеллектуальным национал-демократом, что не мешало ему быть последовательным интернационалистом. Тимур Арсланович стоял у истоков национального движения «БИРЛИК», был членом его правления и одним из интеллектуальных лидеров. Изначально движение «БИРЛИК» ставило своей целью национальное возрождение Узбекистана, но левое крыло быстро скатывалось на националистические позиции. Отец и еще несколько здравомыслящих членов руководства партии всеми силами противостояли этому мракобесию и пытались придать движению светский и миролюбивый характер. За короткий исторический период движение «БИРЛИК» превратилось в значимую силу. Для руководства республики движение с одной стороны было желанной опорой в борьбе за отделение от центральной власти, с другой стороны, вызывало опаску своей возрастающей популярностью. Приход к власти националистов правого толка и ортодоксального духовенства почти автоматически означало массовый исход интеллигенции, русскоязычного населения и наступление мрачного периода в истории Узбекистана. Тимур

Вершиной административной научной карьеры Тимура Арслановича была должность Главного государственного инспектора Высшей Аттестационной Комиссии Республики Узбекистан, на которую его пригласили в 1992 году, уже после развала СССР. Первым делом он поставил плотный заслон недобросовестным деятелям от науки, заблокировал поток конъюнктурных диссертаций, попытался внедрить современные принципы управления наукой. Естественно, все эти меры вызвали резко отрицательную реакцию бюрократов от науки. ТАВ не захотел работать по негласным коррумпированным правилам и ушел из ВАК.

Однако, неуёмная энергия Тимура Арслановича нашла ещё одно неожиданное применение. На переломном этапе развала

Арсланович всеми силами противостоял этой опасности. В 1990 году он стал членом Президентского совета Республики Узбекистан (Указ Президента Республики Узбекистан от 1 октября 1990 года). своеобразного совета старейшин. Тимур Арсланович в составе республиканской делегации принимал участие в совещаниях рабочей группы по разработке нового варианта союзного договора. Даже противники отмечали высокий интеллектуальный потенциал и необычайную пробивную силу представителей южной республики. После развала СССР, отец большое внимание уделял поискам правильного национального, политического и экономического развития Узбекистана. Свои идеи отец неоднократно излагал на частных и деловых встречах с высшим руководством республики. К его советам прислушивался Президент молодого государства. Вместе с тем, отец наблюдал многочисленные негативные проявления политической кухни: подбострастие, нечистоплотная борьба за близость к власти, начавшиеся гонения на инакомыслие, предпочтение силовых решений конфликтных ситуаций в обществе, макроэкономические ошибки и, особенно, взяточничество и полное забвение нужд народа. Все это быстро привело его к разочарованию в политических играх. Отец сердито сказал, что «Политика – это грязное дело!», – и без особого сожаления расстался с политической карьерой...

Тимур Арсланович Валиев ушёл из жизни 14 августа 2002 г. На центральном ташкентском мусульманском кладбище Минор лежит надгробная плита с уникальным для этого места изображением морского якоря...

Фото 15. Домашний музей ВМФ семьи Валиевых. Фото автора.

На этом завершается рассказ о трёх капитанах... Представители трёх наций – русской, польской и узбекской – достойно служили своей

Отчизне. В их судьбах нашли отражения все трагические события XX века – две революции, гражданская война, репрессии, Великая Отечественная война, борьба с послевоенной разрухой и даже развал СССР ... Одна из комнат нашей квартиры отведена под домашний музей ВМФ. Здесь собраны фотографии и личные вещи предков – морских офицеров трёх поколений. Стены комнаты украшают портреты родичей и фотографии кораблей, на которых проходила их служба. Каждая фотография сопровождается кратким текстом – морская биография или история корабля с указанием периода службы, звания и должности офицера, служившего на нём. Этот музей и настоящую публикацию мы считаем небольшим вкладом в дело сохранения нашей родовой и отечественной памяти.